

Ида Астрова

Вирус «Флавокул»

сообщение о массовых вспышках неизвестного вируса. Вакцина пока найдена

«желтые глаза». эволюционировал из вируса, искусственно созданного в биологической лаборатории на территории

16+

Ида Астрова

Вирус «Флавокул»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67301963

SelfPub; 2022

Аннотация

Мутировавший из искусственно созданного вирус разделил историю человечества на «до» и «после». Он внедрялся в геном зараженного человека. Кто-то быстро выздоравливал, а кому-то не везло: у заболевших разрушались некоторые нейронные связи в мозгу. Утратившие разум – утррамы – становились чрезвычайно агрессивны. Было экстренно введено военное положение. Но безумцев было не сдержать. Они вырвались на свободу и... ушли. Будто растворились в диких лесах. Выздоровевшие – вирболы – стянулись в огромные, хорошо защищенные агломерации. Они создали небывалую по мощи разума цивилизацию, ибо вирус активировал спящие ранее области мозга. Чтобы не повторить страшную трагедию и не препятствовать работе мозга, вирболы отказались от всех чувств и эмоций. Но и утррамы не вымерли. Они развили свои суперспособности. Чья цивилизация более жизнеспособна? Удастся ли героям объединить разделенные на века разум и чувства? Сбудется ли мечта о Homo Perfecta, человеке совершенном?

Ида Астрова

Вирус "Флавокул"

Утренние лучи скользнули в комнату, отразились от одинаковых серых стен и шаловливо пробежались по щекам спящей девушки.

– Кайра, Вы запланировали подъем на рассвете! Московское время – 6 часов 24 минуты. В Вашем календаре сегодняшний день обозначен как выходной. Вами запланированы следующие мероприятия: утренний комплекс гимнастических упражнений, легкий завтрак, визит в родительский кластер, а также матч комбинаториков на приз Главы сектора F.

Привычный металлический голос артифика, искусственно управляющего хозяйством, окончательно разбудил Кайру. Она смахнула с лица прядь светлых волос, потянулась, откинула термоодеяло и легко встала. Кровать бесшумно упаковалась в кофр и растворилась в стене. Легкий пас рукой по управляющей консоли – и ноги, до этого утопавшие в густом ворсе, оказались стоящими на беговом полотне.

– Постепенное увеличение скорости до 25 км/ч, угол наклона поверхности – 15 градусов, – подала команду артифу.
– Настройки введены, – отозвался тот.

После пробежки и выполнения серии перевернутых асан Кайра снова изменила настройки комнаты – и обнаженное

тело обвили мягкие струйки теплой воды. Педантично проведя все очистительные процедуры, высушив тело и волосы аэродушем, девушка натуралировала обеденную зону, вынула из вносного ящика порцию цибуса – серой клейкой массы. Ничего другого она никогда не ела: цибус идеально сбалансирован по набору питательных веществ. Ее дневной и вечерний цибус, такой же по вкусу и виду, имеет другой состав и отражает потребности организма в зависимости от суточного ритма, гормональных колебаний и затраченных энергетических усилий.

Вскоре, одетая в плотно облегающий черный комбинезон из изоморфной ткани с абсолютной терморегуляцией – универсальную одежду вирболов, Кайра стояла на материализовавшейся площадке за порогом своей комнаты. Оглянулась, проверяя состояние жилища: мебель денатурирована, стены погашены, прозрачная входная стена матирована – пора вызывать флаер.

Солнце окрашивало в золотистые тона стройные ряды серых высоких кубоидов с квадратными основаниями – дома вирболов. Эти ряды тянулись до самого горизонта и, казалось, не заканчивались никогда. Но это не так.

Кайра была на пограничной стене. Ей повезло, и ее включили в качестве младшего наблюдателя в состав экспертной группы по контролю за прочностью Барьера. Геоморфиры следили за тем, чтобы карборундовый Барьер высотой 150 метров и шириной 8 метров оставался крепок и надежен. Его

выплавили из кремнезема, которого везде было вдоволь. Это было разумным решением: карборунд по твердости не уступает алмазу. Перенос и нагрев кремнезема до температуры 2000 градусов по Цельсию потребовал значительных энергетических затрат, но, после того как вирболы изобрели гамма-излучатели и нейтронные ускорители, недостатка в энергии они не знают.

Между кубоидами домов сверху и снизу, теряясь в медленно тающей туманной дымке, носились флаеры. Один из них плавно подплыл к Кайре. Она забралась внутрь, вбила адрес родительского кластера: сектор АЕ, дом 239, этаж 157, куб 3. Сначала к матери. В соседних кубах, 4 и 5, проживали ее отец и сестра. Навестит и их.

Кайра плыла между кубоидами и думала, что сохранение семейных связей – глупый предрассудок, унаследованный от людей довирусной эпохи. Это они, по сохранившимся историческим сведениям, страдали от одиночества и чувствовали умиротворение, находясь в кругу родных. Вирболы давно ничего не чувствуют. Они избавлены от эмоциональной удавки: никаких выбросов эндорфинов и адреналина, никаких психоэмоциональных срывов, никаких чувств. Вирбол всегда находится в абсолютно спокойном состоянии, не испытывает привязанностей, не грустит и не радуется, действует исключительно целесообразно. Разум установил тотальный контроль над чувствами.

Флаер мягко затормозил. Кайра вышла на припорожную

площадку, миг возникшую под ногами, подняла ладонь и коснулась сенсорной панели: надо сообщить о своем прибытии. Входная стена стала прозрачной, затем исчезла.

– Входи. Я тебя ждала, – услышала Кайра голос матери. Как всегда, ровный, холодный. Гладко зачесанные волосы, высокий, открытый лоб, спокойный взгляд равнодушных глаз – внешность матери не меняется, кажется, никогда.

Хозяйка бросила взгляд на заднюю стену:

– Часы, артиф, – скомандовала она.

На стене такого же золотисто-желтого оттенка, как и в кубе Кайры, высветились цифры: 09.00. Что ж, у них 15 минут – обязательный, законодательно утвержденный минимум ежемесячных встреч кровных родственников, достигших совершеннолетия. Несовершеннолетние обязаны встречаться с родителями еженедельно, поэтому мать и отец проживают по соседству от Эммы, своей младшей дочери – это рационально.

Хозяйка куба натуралировала из стены два удобных кресла. Расположившись и предложив занять место дочери, спросила:

– Кайра, как ты живешь?

– Хорошо.

– Регулярно ли ты посещаешь медицинский бокс?

– Да, посещаю.

– Изменился ли за последний месяц состав цибуса для тебя?

– Да. Как ты знаешь, сейчас исследования в нашей лаборатории ведутся в интенсивном режиме, поэтому в последнее время мои энергетические потребности возросли. Гематологический анализатор выдал назначение на увеличение содержания липидов, цинка и селена в потребляемой мною пище.

– Хорошо. Показания гематологического анализатора всегда точны. Благодаря этому прибору вирборы забыли о болезнях.

– Да, это так.

Они немного помолчали.

– А ты как живешь, мама?

– Спокойно, благодарю. Должна сообщить тебе также, что твой отец не сможет сегодня встретиться с тобой: его вызвали на биостанцию. Он оставил тебе сообщение.

Женщина подала команду искусственному дворецкому и перед ними возник голографический силуэт высокого, художавого мужчины средних лет. Холодное лицо без тени улыбки. Ее отец всегда был таким. Голограмма отрешенно произнесла:

– Кайра. Вынужден пропустить нашу встречу. Опытные образцы марсианской флоры в нашей лаборатории погибли. Необходимо срочно пересчитать геном и заменить поврежденные хромосомы. Надеюсь на понимание. До встречи.

– Передай отцу, что я нахожу разумным пропустить ежемесячную встречу с потомком по уважительной причине.

Они еще немного помолчали. Сигнал-оповещение сообщил о том, что 15 минут истекли.

– Эмма готова встретиться с тобой сейчас, Кайра.

– До новой встречи, мама.

Женщины кивками попрощались друг с другом. Кайра перешла в соседний куб к сестре. Входная стена отсутствовала: Эмма была готова к встрече. Она сидела с безупречно ровной спиной за рабочим столом, на экранную поверхность которого был выведен учебник.

– Здравствуй, Эмма. Что изучаешь?

– Здравствуй. «Всемирную историю». Самый ненужный предмет. Лучше бы задачи по вариационному исчислению порешала.

– Я понимаю тебя, но ты не права: разумно знать прошлое своего народа. Это позволяет просчитать вероятностные закономерности событий. Какой период вы сейчас проходите?

– 22 век. Довирусную эпоху уже закончили.

– Хочешь, прочитаю вслух?

Дождавшись кивка, Кайра подошла к столу. Она увеличила размер страницы, чтобы прочесть, хотя в этом не было особой нужды: благодаря феноменальной памяти вирболы легко воспроизводили однажды прочитанный или услышанный текст даже спустя долгие годы. Ровный голос Кайры наполнил помещение:

– «В мае 2042 года новостные ленты мировых СМИ заpestрели сообщениями о массовых вспышках неизвестного

вируса. Ученые назвали его флавокул – «желтые глаза». Впоследствии они выясняли, что флавокул эволюционировал из астраруса – вируса, искусственно созданного в биологической лаборатории на территории Уганды. Появление новой волны инфекционного заболевания поначалу не удивило никого: правящие семьи тратили миллиарды на создание нового штамма, патентовали вакцину от него, разрабатывали пути распространения вируса среди населения Земли – и зарабатывали триллионы. Правила игры всем давно известны: покупаешь новую прививку и живешь дальше, не изменяя своим привычкам. Тяжелее приходилось бедному населению или тем нациям, популяцию которых требовалось несколько сократить, но и среди них были выжившие.

Однако флавокул вышел из-под контроля: он самостоятельно мутировал из имеющихся штаммов, и вакцины от него не было. Флавокул слишком быстро охватил население, и биоинженеры не успели ничего сделать.

Флавокул не щадил никого. Заболевание протекало почти бессимптомно или с легким повышением температуры. Лишь радужки глаз зараженных на время меняли свой цвет – они желтели. Дальше оставалось только ждать: флавокул внедрялся в геном человека. При подходящем наборе хромосом радужка глаз возвращала свой цвет, и человек чувствовал себя здоровым.

Но были и те, кто не перенес болезни. Было много умерших, а у тех, кто выжил, разрушался разум. Обезумевшие

люди либо впадали в ступор (их желтые глаза стекленели, они не могли говорить и не сознавали ничего вокруг), либо становились патологически активны. Таких боялись больше всего: эти существа становились чрезвычайно сильны и агрессивны. В состоянии боевой ярости, ведомые лишь инстинктом и гневом, они легко убивали любого, кому не повезло оказаться рядом. Если хотели пить, обезумевшие желтоглазые убийцы отрывали конечности и впивались зубами в открытые сосуды, из которых толчками выплескивалась алая теплая кровь. Если были голодны, то сжирали все, что казалось им съедобным, но, не насытившись, бросались на людей или животных, распарывали им живот и вгрызались в пульсирующую печень. Если хотели секса... не выживал никто.

Людей, не способных адаптироваться к новому вирусу, называли уттрамами – утратившими разум.

Было экстренно введено военное положение. Впавших в ступор помещали в психиатрические клиники, агрессивных уттрамов, если не застрелили на месте, сажали на цепи в одиночные камеры. Но их было не сдержать. Разрушив свои клетки, уттрамы вырвались на свободу и... ушли. Будто растворились в диких лесах, степях, неприступных горах.

Оставшиеся люди подвергались тщательному осмотру. Только переболевшие – вирболы – имели право свободного перемещения. Они должны были иметь тат-код на левом запястье. Остальные находились в клиниках на карантине, где

их ожидали либо палачи, либо тат-кодеры.

Постепенно порядок был восстановлен, хотя страх перед исчезнувшими утррамами остался. Вирболы стянулись в огромные по площади, но хорошо защищенные агломерации. Покидать агломерации можно было по специальному правительственному разрешению, и только военным. Вернувшиеся утверждали, что, находясь за границей агломерации, чувствуют панический ужас, подавляющий способность рационально мыслить и внушающий безотчётное желание скорее вернуться на безопасную территорию.

Прошли века после той роковой катастрофы, наша цивилизация, цивилизация вирболов, шагнула далеко вперед, но над нами по-прежнему довлеет безотчетное нежелание выходить на свободные территории. Это единственное, чему мы не можем противостоять. Это единственная загадка, которую мы пока не смогли решить».

Кайра замолчала.

– А как ты думаешь, утррамы вымерли? – спросила Эмма.

– Этого наши ученые пока не выяснили. Вероятность такого исхода составляет 95,423 процентов. Этот же исход следует признать наиболее удачным: смертоносные безумцы опасны.

– Да, не хотела бы я с ними встретиться, – вздохнула сестра.

– Поверь, ни один вирбол не хотел бы. Внедрившийся в наш геном вирус флавокул колоссально раздвинул возмож-

ности человеческого мозга. По производительности и вычислительной мощности он значительно превзошел суперкомпьютеры довирусной эпохи, но мы по-прежнему не покидаем границ агломераций по горизонтали.

– А по вертикали?

– Конечно. Ты же знаешь, что в каждой агломерации есть космопорты. Мы заселили соседние планеты Солнечной системы. Это стало возможно благодаря усилиям выдающихся терра- и аэроморфиров, которые сумели создать на непригодных для жизни космических телах атмосферу и гидросферу, сделав венерные и марсианские условия похожими на земные.

– Получается, что вирболам тесно на Земле?

– В каком-то смысле, да. Мы оказались заточенными в границах Барьера, который сами же и возвели. И хотя мы ее постепенно отодвигаем, увеличивая площади агломераций, цель вирболов – снять границы. Правда, она пока недостижима.

– Почему?

– Я не знаю, Эмма. Никто не знает.

Возвращаясь домой, Кайра задумалась над парадоксом. Сейчас, в 2344 году, кажется, что все подвластно рукам вирбола. Цивилизация вирбола достигла небывалых по мощи разума высот, но иррациональный страх все равно таится внутри каждого вирбола. Как страх может испытывать организм, освобожденный от гормональной зависимости?

Флаер неожиданно остановился. Кайра огляделась – уже дом. Что ж, ее ждут обеденная доза цибуса и потом – настоящий праздник для ума: матч комбинаториков. Решение сложных математических задач на время с детства было ее главным увлечением.

Кайра, Вы запланировали подъем на 7 часов 00 минут. В Вашем календаре сегодняшней день обозначен как рабочий. Вами запланированы следующие мероприятия: утренний комплекс гимнастических упражнений, легкий завтрак, трудовая деятельность в корпорации «Алтерий», – голос ар-тифа перевел свою хозяйку в состояние бодрствования. Снов вирболы никогда не видели так же, как не мечтали и не фантазировали. После рутинных утренних процедур Кайра проверила состояние жилища: мебель денатурирована, стены погашены, прозрачная входная стена матирована – и отправилась на работу.

Московское отделение корпорации «Алтерий» размещалось в том же секторе, где жила Кайра, и занимало целый кубоид. Несколько верхних этажей занимала лаборатория, где велись разработки новых материалов для космических нужд. Туда Кайра и направилась. Она была молодым многообещающим ученым-трансформологом. Ей удалось выстроить кристаллическую решетку нейтронной мембраны, которая способна мгновенно перестраивать квантовые колеба-

ния и усиливать радиационный захват фотонов.

Как и в частной жизни, на работе вирболы не стремятся к общению и предпочитают уединение. Каждому члену корпорации выделялся свой кабинет. Впрочем, внешне, до натурации, ничем не отличимый от частного жилища. Куб с двухметровым ребром. Пять глухих граней и одна входная. Входную стену можно убрать или сделать прозрачной. Остальные пять стен гетерогенны. Настройки на настенных панелях позволяют натурировать из гетерогена (строительного материала вирболов) любую нужную мебель или оборудование и так же легко убрать ее в стены – денатурировать. Восемь кубов по контуру на этаже. Внутреннее пространство кубоида занято инженерными коммуникациями – канализацией, водопроводом, фотонными сосудами, трубами для доставки цибуса. Впрочем, одно отличие общественного кубоида от жилого все же имелось – наличие лифтовой шахты для быстрого доступа к коллегам в случае, если необходимость в сотрудничестве была неизбежна.

Вот и сейчас, едва заняв рабочее место, Кайра получила сообщение с просьбой незамедлительно явиться в кабинет начальника бюро по организации труда, Александра Рыжова.

– Кайра Громова по Вашей просьбе явилась, – уведомила девушка начальника, невысокого подтянутого вирбола лет сорока в черном универсальном комбинезоне. Требовательный и компетентный, он был неплохим руководителем.

– Проходите, Кайра, – Александр быстро натурировал

удобное кресло напротив своего рабочего стола, – присаживайтесь. Я пригласил Вас, чтобы обсудить дальнейшие действия по внедрению Вашей мембраны в производство.

– Как Вам известно, наша московская агломерация не имеет испытательного полигона венерного типа. Правительство земли согласовало создание тестового образца и проверку его эксплуатационных свойств в мадридской агломерации.

– Этого следовало ожидать. Я так и предполагала.

– Разумеется, контролировать процесс предстоит Вам, Кайра.

– Да, я понимаю.

– Вы осознаете степень важности порученного Вам дела? Правительство Земли заинтересовано в снижении энергозатрат на поддержание атмосферформирующего купола над агломерациями на Венере. Ваша мембрана позволит этого добиться.

– Приложу все старания, чтобы опытный образец оказался работоспособным.

– Служебное жилье Вам, естественно, предоставят. Проблем с цибусом тоже не будет: технологии везде одни и те же. Когда Вы готовы вылететь?

– С учетом времени на подготовку рабочей документации уже сегодняшним вечером.

– Вылетите завтра на рассвете. Возьмите служебный флаер. Он мощнее общественного и больше подходит для даль-

них перелетов. Кроме того, в его оснащение входит портативный гема-анализатор, синтезатор цибуса, экспедиционный сейф для ценного груза, куда вы сможете поместить необходимые документы.

– Основная информация хранится в моей голове, но визуализационные материалы, конечно, возьму. Спасибо. Дорога для Мадрида занимает около 20 минут?

– Да, верно.

– Не думаю, что за это время произойдет что-то экстраординарное.

– Кайра, не спорьте. Таков регламент. Вы пересечете родной Барьер и, пока не войдете в зону Мадридской агломерации, не будете в безопасности.

– Но ведь факт существования уттрамов до сих пор не доказан? – сухо отозвалась Кайра.

– Нет, но следует исключить непредвиденные факторы. Но борту флаера Вы также сможете натурировать медбокс. Он заполнен гелем. Достаточно погрузиться в него на 8 минут, и все системы органов вернуться в норму.

– Так быстро? Обычно уходит несколько часов.

– Новейшая разработка нашей корпорации, – ровно и безучастно отозвался начальник, констатируя факт.

– Я могу идти, Александр?

– Почти, Кайра. Позвольте мне личный вопрос.

– Я Вас слушаю.

– Григорий Виссер, ведущий специалист по турбомоди-

фицированию нашей корпорации, сделал Вам предложение?

– Да, это так. Григорий и я идеально совместимы по основным биопоказателям. Вероятность произвести потомство с достойными наследственными характеристиками равна 98,21657 процентам.

– Действительно, высокий показатель. Что ж, счастливого брака и результативной командировки!

– Спасибо, я пойду. До встречи!

Неожиданный вопрос Рыжова принес Кайре удовлетворение. Все же, как удачно вышло с этим Григорием! По долгу размножения все половозрелые особи агломерации сдавали свои биоматериалы в единую базу данных. Исследователи проводили анализ полиморфизмов в генах с целью подбора идеального партнера для деторождения. Он занимал продолжительное время. И не всем так везло, как Кайре. Иногда подходящий партнер проживал в отдаленной агломерации, и тогда приходилось соглашаться на менее совместимых особей или решать вопрос с переездом. А ее партнер оказался сотрудником в той же организации, где работала она. Очень удобно. «Нужно сообщить Григорию об отъезде и отложить процедуру соединения на неопределенное время», – подумала Кайра.

– Кайра, Вы запланировали подъем на час до рассвета. Московское время 5 часов 27 минут. В Вашем календаре се-

годняшний день обозначен как командировочный. Вами запланированы следующие мероприятия: утренний комплекс гимнастических упражнений, легкий завтрак, вылет в Мадридскую агломерацию.

– Довольно, артиф, я проснулась.

Перед уходом Кайра проверила состояние жилища: мебель денатурирована, стены погашены, прозрачная входная стена матирована – и вызвала командировочный флаер.

Введя координаты Мадридского отделения в навигатор флаера, Кайра отправилась в путь. Пересечение карборундового Барьера проходило на высоте 2500 метров. Это правило было написано кровью: флаеры, опустившиеся ниже этой отметки, никогда не достигали места назначения и не возвращались в исходную точку.

Можно было бы прикрыть глаза и расслабиться: флаер управляется автоматически, но Кайра почему-то стала смотреть вниз. В разрывах облаков виднелся зеленый ковер с высоким, крайне неровным ворсом, будто поеденным временем и измятым тысячью ног. Желто-зеленые проплешины на ковре чередовались с серо-голубыми гладкими вмятинами разной формы и величины. Хлопья белой пены с размазанными краями разбросаны по плешивому полотну. Лишь на горизонте белая полоса облаков, подсвеченных яркими лучами солнца, уступала место голубой глади летнего неба. Непривычные краски земли вызывали у Кайры неприятную резь в глазах.

«На диких территориях тоже лето», – мелькнула мысль в голове девушки. Вирболы предпочитали тепло. Именно поэтому устанавливали в своих агломерациях постоянную температуру воздуха. Она колебалась в пределах от 20 до 24 градусов, ночью опускаясь не ниже 18. Осадки на территорию агломерация тоже не выпадали (рассеиватели облаков исправно выполняли свою функцию). Вирболы исключали непредсказуемость.

И без того рваный пейзаж пересекла извилистая голубая лента, которая быстро куда-то уползала и терялась вдали. «Река», – поняла Кайра. Ее знания о географии Земли были теоретическими. Сейчас картинки из учебников приобретали объем, хоть и не вызвали отклика. Кайре было непонятно, почему люди довирусной эпохи так старательно воспроизводили эти ландшафты на своих картинах или отправлялись в походы, чтобы делать бесконечные пейзажные фото. В агломерациях вирболы легко обходились без растений и животных и все необходимое для жизнедеятельности синтезировали.

Шла восьмая минута полета. Рельеф местности под фляером изменился, и земля будто поднялась к Кайре. Горные отроги вытянулись в сверкающие белизной вершины. Кайра бросила взгляд на карту в навигаторе. «Татры», – прочла она. Память услужливо предоставила данные из энциклопедии: «Татры – наивысшая часть Карпат, которая простирается на 60 км в длину и 15 км в ширину. Наивысшая точка

– гора Герлаховски-Штит, 2655 метров. В довирусную эпоху находилась на границе двух стран: Словакии и Польши. На словацкой стороне находилась львиная доля заповедника: 610 км² буковых и еловых лесов, голубых ледниковых озер и альпийских лугов, усеянных полевыми цветами. С 1993 года по 2052 год Национальный парк Татры являлся биосферным заповедником ЮНЕСКО.».

Вдруг тихое урчание двигателя фляера прервалось. В оглушающей тишине Кайра проверила датчики: все приборы в норме, топлива достаточно, но фляер недвижно завис в воздухе. Система безопасности сработала безотказно: из поточного люка летающего аппарата вверх отстрелился комок плотного нейлона, раскрывшись стабилизирующим куполом. Фляер плавно стал опускаться на землю.

Сознание лениво отсчитывало секунды: «Один, два, три... восемнадцать». Запертая в капсуле из стекла и металла Кайра задрожала. В ее ушах зазвенело, ноги онемели, на лбу появилась испарина. Всегда ровно стучащее сердце вдруг сбилось с ритма и стремительно понеслось вскачь, потом замерло и снова быстро застучало. Боль в грудной клетке разлилась черной кляксой и устремилась в левую руку. Вокруг горла будто сжалось кольцо. Легкие, перегретые застрявшим в них углекислым газом, жаркими иглами впились в ребра изнутри, грозя взломать тесную костяную клетку, а горло все отказывалось впустить в себя спасительный глоток воздуха. Дрожащими руками Кайра вцепилась в приборную

панель. Нервно вибрирующие пальцы бестолково тыкались в сенсорные клавиши, но окна флаера все же плавно поползли вниз. Пространство вокруг заполнилось свежим воздухом, влажным и душистым. Неясные ароматы вызвали новую волну паники. Лицо Кайры покраснело, голова будто взорвалась от приступа дикой боли. Чувство нереальности происходящего выбило из глотки девушки дикий вопль. Флаер между тем бесшумно скользил вниз между вековыми елями. Колючая ветка приветливо скользнула в салон, вызвав ужас. Бессилие и отчаяние затопило всегда равнодушного вирбола – Кайра упала в спасительный обморок.

Босые мужские ноги бесшумно скользили по земле, укрытой листьями, травой и мхом. Сильное тело молодого уттрама мягко пружинило при каждом шаге, будто парило над поверхностью. По его загорелым плечам струился легкий хитон из мягкой растительной ткани, сотканной из шелковистых листьев. Солнечные лучи, словно играя со смоляными кудрями, золотистыми искорками вспыхивали и вновь исчезали в рассыпанных по плечам волосах.

День был жаркий, но под сенью мощных буков было прохладно. Их гладкие стволы, украшенные солнечными бликами, будто светились изнутри. Толстые корни деревьев сплетались причудливыми узлами и вспарывали лесной покров, тоже стремясь к солнцу. Золотом и изумрудом переливались

листья на кронах лесных исполинов. В их зеленое кружево тут и там вплетались лазурные пятна ясного неба. Пряный запах самшита смешивался со сладостью кипрея и терпкостью хвои. Этот лесной аромат щекотал ноздри. Лес ласково приветствовал свое дитя. Птицы беспрерывно пели, и приятно было слышать их веселое щебетанье. Оно наполняло сердце мужчины смутным томлением.

Молодой утррам без устали шел уже много часов. Он шел и шел вперед, не смотря по сторонам и в то же время точно зная конечную точку своего пути. Радостная улыбка украшала и без того красивое лицо. Утррам ощущал, что в его душе розовыми бутонами распускается нежность. Когда он почувствовал Её, то сразу поспешил навстречу. Успел только крикнуть: «Постой!» – и немедленно двинулся туда, где ярким светлячком светилась Её аура. Правда, Она была далеко, за третьим перевалом. Но утррам верил, что Она его дождется.

Звонкое журчание лесного ручейка напомнило утрраму о жажде. Легко перепрыгивая по камням он спустился к источнику. Напившись и омыв разгоряченное лицо в прохладной ключевой воде, приложил ладони к земле. На поляну выскочил заяц. Недоверчиво кося васильковыми глазками, заяц приблизился к мужчине. Длинные пальцы ласково почесали за ушком, пощекотали брюшко. Зверек расслабился и, блаженствуя, развалил свои лапы в стороны. Руки утррама накрыли теплую тушку. Через некоторое время на зем-

ле осталась кучка пыли. Еще одним легким прикосновением к земле уттрам поблагодарил лес и, подкрепившийся и освеженный, отправился в путь. «Прошу, жди меня, не улетай!» – крикнул уттрам мысленно. Оставалось совсем чуть-чуть. Скоро он будет на месте.

Очнувшись, Кайра оказалась в сером полумраке и сначала не поняла, где находится. Воспоминания о произошедшем нахлынули резко, но не принесли ожидаемого страха. Кайра протянула руку и сдвинула нависающий край стабилизирующего купола. Флаер был накрыт им, словно праздничный стол – скатертью в довирусную эпоху. «Что за странные сравнения?» – удивилась Кайра сама себе. Вирболы не выстраивают ассоциативные ряды.

Кайра наклонилась к приборной панели. Датчики мгновенно среагировали на приближение рук, и сенсорные клавиши мягко засветились, приглашая пассажира к управлению. Девушка нажала одну из кнопок. Стабилизирующий нейлоновый купол медленно свернулся в тугую комок, втянулся в люк на крыше флаера. Стало светло. Кайра выпрямилась в пассажирском кресле, еще одним легким касанием закрыла окна и включила голосового помощника.

– В составе воздушной среды обнаружены водяные пары, микробы, частицы пыли и соли, а также пыльца растений. Содержание кислорода превышает рекомендуемый уровень

на 3,15 процента, – ровно сообщила система управления.

– Восстановить, – подала команду Кайра. Воздух постепенно очистился от всяких посторонних запахов и примесей. В стерильной атмосфере дышать стало легче.

– Запустить полную проверку работоспособности устройства.

– Приступаю.

Дождаясь результата, Кайра посмотрела через лобовое стекло. Флаер застрял на горизонтальной террасе горного уступа. Впереди высились серые громады гор с острыми пиками. Впадины заполнены лоскутами снега. Синее небо едва виднеется в просветах густого серого облака. Тут и там высятся колючие темно-зеленые ели. Подножье горного хребта засыпано смесью серого камня и песка. От наблюдения Кайру оторвал сигнал об окончании проверки систем.

– Устройство исправно и готово к полету. Приступить?

Кайра потянулась к приборной доске. Поколебавшись, нажала кнопку «завершение работы». Это был первый нелогичный поступок в жизни Кайры. Она вышла из флаера и поняла, что оказалась в лесу. Диком, зеленом лесу предгорья.

Анализируя раскинувшуюся перед глазами картину, Кайра подумала:

– Кто бы мог предположить, что мне пригодятся уроки исторической географии? Итак, растительность, окружающая меня, состоит преимущественно из хвойных пород с примесью пихты и бука. Мрачные, темные леса. Значит, я нахожусь

на высоте от 1100 до 1500-1600 м над уровнем моря. В травяном ярусе преобладают кислица, черника, папоротники и мхи.

Кайра огляделась вокруг. Без труда она смогла идентифицировать мох и папоротник. Длинные перистые листья последнего легонько покачивались на ветру прямо перед ней. Пройдя несколько шагов влево, девушка обнаружила заросли черники.

– Люди ели чернику. Это съедобная ягода. Растет на низкорослых кустарничках, рода Вакциниум, семейства Вересковые. Плоды – хороший источник витамина С, магния и кальция, в них много витаминов А и В, марганца, волокон и флавоноидов. Хм, и людям было достаточно столь примерной информации?!

Небольшой кустик был сплошь усеян небольшими иссиня-черными шариками. Кайра сорвала один и раздавила в пальцах. На подушечки выплеснулась пурпурная мякоть: еда людей имела цвет и запах. Потрясение заставило Кайру замереть. Девушка потянулась за еще одной ягодкой.

Длинная узкая тень метнулась к ее руке. Змея! Укус был не очень болезненным, но острые зубы оставили ранки, из которых мгновенно потекла кровь. Вскоре Кайра почувствовала, как начало неметь и немного болеть предплечье, затем плечо. Закружилась голова. Кисть в месте укуса начала опухать. Это чуждая, враждебная среда. Таит в себе смертельную угрозу.

Медлить далее было нельзя. Кайра вернулась во флаер, натурировала медбокс, разделась и на восемь минут погрузилась в прохладную гелевую субстанцию. Светлые пряди длинных волос золотыми струйками вились вокруг спокойного лица. По молочно-белой коже стройных ног, узкой талии и нежным полушариям груди скользили голубые мерцающие разряды. Мягко бурлящий гель нежно обволакивал тело девушки мелкими пузырьками: купировал действие токсинов, залечивал мелкие ссадинки и порезы, полученные при приземлении, приводил в порядок гормональную систему организма.

Мелодичный перезвон сообщил об окончании процедуры. Кайра медленно поднялась. Капельки прозрачного геля, быстро впитались в кожу, делая ее гладкой и шелковистой. Выйдя из бокса, потянулась к одежде, привычно упаковалась в термокомбинезон, защищающий тело от шеи до кончиков пальцев. Отметила прекрасное самочувствие. Денатурировала медбокс и приготовилась к отлету. Затем повернулась к приборной панели – и замерла. В пассажирском кресле кто-то сидел.

Осторожно, почти не дыша Кайра отступила в глубь салона. Существо было похоже на вирбола. Но оно было странно одето в какую-то зеленую хламиду, растрепанные волосы рассыпаны по плечам. Смуглое лицо, прямой нос, под смоляными бровями... ярко-желтые глаза.

– Уттрам, – прерывистый шепот вырвался из онемевших

губ.

По спине поползла липкая струйка пота. В висках застучало. Медленно подняла руки и прикрыла шею сжатыми в кулаки пальцами. Шея – уязвимое место, там много жизненно важных вен и артерий. Главное не подпустить уттрама к горлу: если бросится и укусит, это мгновенная смерть. Не смотреть в глаза – прямой взгляд может спровоцировать агрессию.

Мысли лихорадочно скакали. Ультразвуковой отпугиватель, встроенный в систему, рассчитан на насекомых и птиц и вряд ли нанесет хоть малейший ущерб, оружия на борту нет. Спина упёрлась в ровную и холодную стенку флаера. Усилием воли выровняв дыхание, Кайра громким и четким голосом подала команду:

– Уйди! Вон!

Уттрам не пошевелился. Что же делать?! Самое безопасное место для нее – это флаер, но она заперта в нем с безумным кровожадным хищником. Хотя нет, не заперта. Девушка на полшага скользнула вправо. Медленно, так медленно, как только могла, опустила правую руку вниз и нащупала сенсорные клавиши на двери флаера. Та бесшумно и плавно отъехала в сторону, и открылся путь к спасению. Все так же, глядя чуть поверх глаз уттрама, не поворачиваясь спиной, выскользнула из салона, сделала три бесконечно долгих шага назад. Периферийным взглядом заметила большой валун и прыгнула за него. Спиной привалилась к гладкой и теплой

поверхности камня, ноги налились тяжестью, подогнулись. Кайра сползла на землю и устало откинула голову назад. На глаза навернулись слезы. Над верхушками темных елей по голубой глади неба все так же равнодушно плыли белые хлопья облаков.

Над Кайрой нависла тень. Длинные гибкие побеги какого-то выюна поползли по конечностям и быстро спеленали по рукам и ногам, отсекая любые попытки к бегству.

– Тихо-тихо... не бояться... не причинить вреда... – низкий вибрирующий мужской голос звучал неожиданно мягко.

Кайра дернулась, стараясь вырваться из растительных пут, но тщетно.

– Тихо, тихо, – голос звучал все ближе. Кайра зажмурилась. Потом почувствовала, что к ее лицу приближается чужая рука, и сжалась. Но горячие пальцы лишь легонько коснулись уголков глаз, стирая слезинки. Уттрам присел на корточки напротив Кайры.

– Не причинить вреда... Половинка... Чувствовать запах... Прийти... Спешить... Нельзя терять... Пара... – урчащие модуляции голоса постепенно снимали напряжение, но звуки речи, воспроизводимые уттрамом, в сознании Кайры не складывались в слова. Их смысл ускользал, пока она не распахнула глаза и не уставилась на уттрама. На лице чудовища не было признаков угрозы, напротив, желтые глаза напротив выражали участие и обеспокоенность.

Глубоко вздохнув, чеканя слова, Кайра потребовала:

– Повтори. Что ты сказал? Что значит пара? Как я здесь оказалась?!

– Тшш... Не волноваться... – снова заурчал уттрам. – Я не мочь говорить... показать.

Руки чудовища легли на виски девушки. Эти ладони показались ей огромными и сильными, казалось, что они без особых усилий раздавят череп, но пальцы касались трепетно, едва-едва. Подушечками больших пальцев уттрам коснулся век, принуждая прикрыть глаза.

Внезапно в голове Кайры замелькали картинки, как будто она что-то вспоминала. Вот она сидит во флаере. Прямая спина, холодное, равнодушное лицо, взгляд направлен в окно. Внизу появились горы. А потом, как будто прекрасная мраморная статуя вдруг ожила, девушка оторвалась от созерцания, пальцы быстро-быстро замелькали над панелью управления. По комбинации клавиш Кайра поняла, что ею был заглушен двигатель и включен режим безопасной посадки. Вот флаер плавно снижается, а она бледнеет, вцепляется в переднюю консоль, суетливо пытается что-то предпринять. Вот она бесчувственно оседает в кресле...

Несколько секунд Кайре понадобилось на осознание увиденного.

– Ты хочешь сказать, что это я, я сама, по собственной инициативе прервала полет и приземлилась на эту чертову гору? – к концу предложения Кайра сорвалась на крик. – Но почему? Зачем мне это понадобилось?

– Я... просить тебя остановиться... не улетать... быть далеко... трудно кричать... смог... рад... спешить...

– Это ты? Гад! Ты, сволочь, отдал мне чертов ментальный приказ? Ты телепат? Урод! Отпусти. Немедленно отпусти!!!

Тонкие зеленые путы мгновенно ослабли. Кайра злобно сорвала эти гадкие веревки со своих запястий, подскочила, ловко обогнула нависшую над ней тушу врага и гневно понеслась к флаеру. Скорее от этого сумасшедшего! Прочь!

Но не успела Кайра и приблизиться к дверце аппарата, как из земли прямо из-под флаера выстрелили зеленые ростки. Очень быстро побеги оплели машину со всех сторон, покрыв его зеленым куполом. Потом стебли стали коричневеть, утолщаться, сливаясь в прочное полотно. Еще через мгновение коричневый ком стал сжиматься, как развязанный воздушный шарик. Еще миг и древесный клубок вполз в землю, будто и не было. Лишь зеленая травка легко покачивалась на ветру, ничем не выдавая происшедшего.

Кайра в ошеломлении повернулась к уттраму:

– Как ты это сделал?! И что ты наделал, идиот?

Голос не слушался, скрипел, прерывался.

– Ты понимаешь, что ты натворил? Это, по-твоему, игрушки? Как я вернусь домой? Ни еды, ни медикаментов, ни... Ничего! А как же моя работа... Мои разработки... Меня ждут в Мадриде. Как я выберусь из этого кошмарного места? Я уже здесь чуть не сдохла! Верни мой флаер! Чурбан! Ненавижу! Ненавижу тебя!

Зеленые глаза Кайры подернулись пеленой злости, руки сжались в кулаки, и она бросилась на уттрама. Колотила по широким плечам, твердой груди, залепила по носу, что-то кричала. Он стоял не шелохнувшись. Это терпение только разжигало гнев Кайры, в ход пошли удары ногами. А потом слезы хлынули потоком. Девушка зарыдала и обессиленно сползла на землю. Сжалась в комок. Плечи ее вздрагивали, губы что-то шептали, нос распух, а слезы все текли и текли. Теплая мужская ладонь опустилась на спину девушки, погладила. Теплые руки подняли с земли и притянули к широкой груди. Уттрам баюкал ее, как малышку, и гладил по волосам, плечам, тонким рукам. «Тш-тш, маленькая, не плачь, тш-тш». Наконец девушка затихла, лишь иногда подрагивая от всхлипываний. В руках незнакомца оказалась зеленая тряпка. Он потихоньку вытер слезы с лица девушки. Кайра вырвала тряпицу и высморкалась. Гневно блеснула глазами, воинственно набрав в грудь воздух, но потом плечи ее поникли. Устало спросила:

– И что теперь? Что со мной будет?

Уттрам обхватил лицо Кайры большими ладонями, долго смотрел в глаза, скользил взглядом по лбу, щекам, губам, потом легонько поцеловал кончик носа и сказал:

– Проводить домой.

– Флаер можешь вернуть?

Уттрам отрицательно покачал головой.

– И? Идти пешком? Ты в своем уме? Исходя из времени

полета с учетом скорости движения флаера, до моей агломерации 1376 км, а до Мадридской – 2025. Пешком этот путь займет месяца два, не меньше. Если только не съедят по дороге дикие звери.

В желтых глазах уттрама промелькнули смешинки. Но потом вновь стали серьезными. Он будто решил на что-то:

– Рей отведет. В место силы. Перенести.

– Какое еще место силы? Кто такой Рей?

Уттрам постучал ладонью по своей груди, отвесил дурашливый поклон:

– Карел Рейбах. Друзья звать Рей. Хочешь – так говори тоже.

– Ты хочешь сказать, что сам меня отведешь в какое-то место, из которого я смогу перенестись домой, обеспечишь безопасность и отпустишь? – уточнила Кайра.

Тот кивнул, подавив тягостный вздох:

– Не могу принуждать.

– Что это за место? Там какой-то древний вокзал? Порт? У вас есть техника? Может быть, портал? – Кайра готова была предположить что угодно.

Но Карел Рейбах, как назвало себя это существо, лишь пожал плечами и промолчал. Кайре ничего не оставалось, как довериться этому полуживотному-полуволшебнику. Впрочем, его желтые глаза не казались безумными, а агрессию проявила как раз она, а не он.

– Кстати, я Кайра. Кайра Громова. Неприятно познако-

миться.

Карел Рейбах снова промолчал.

Они шли уже несколько часов. Солнце припекало, но термокомбинезон отлично регулировал температуру – было не жарко и не холодно.

Исследовательских интерес захватил Кайру. Фотографическая память привычно подсовывала новую информацию: «Татры славились широким разнообразием растений. В них обитало более 1 000 видов сосудистых растений, около 450 мхов, 700 лишайников, 900 грибов и 70 видов плесени». Идентифицировать и обнаруживать каждый вид представителя флоры данного ареала представлялось нецелесообразным, поэтому она сосредоточилась на одном виде мха – растущем прямо под ногами.

В ярко-зеленой мшаной подушке ступни, затянутые в термоткань, утопали, как в медицинском геле. Кайра присела и прикоснулась к мху рукой. Кончики растения слегка кололи, будто сопротивляясь вторжению. Кайра усилила нажим, и вот уже тонкие пальцы скрылись в зеленой массе. Мох, чуть сырой внутри, казался упругим. Густой аромат хлынул в ноздри. Девушка отметила легкое головокружение. Решившись, она улеглась на мох, распластавшись на нем спиной, как на ортопедическом матрасе. Перед глазами встало небо, высокое и невероятно голубое. По нему медленно проплы-

вали белые облака.

Сбоку моховая перина прогнулась: уттрам прилег рядом. Они долго лежали и любовались облаками. Кайре было странно никуда не спешить, не заниматься рутинными действиями, не следовать ежедневному регламенту. Кайре казалось, что земля кружится под ее спиной. Или это голова кружится? Даже сыроватый запах мха и диких трав перестал раздражать.

Кайра перевернулась на живот и заглянула в лицо уттраму:

– Эй, ты чего улыбаешься?

Рей взял девушку за руку и передал ей картинку: на скале сидит птица. Ее брюшко покрыто нежными белыми перьями, а точеные спинка и голова – черные, как ночь. Изящно посаженная головка завершается тонким острым клювом, а глаза – глубокие, как сама тьма – обведены белой подводкой с длинной изысканной стрелкой. Каменный подиум птицы изъеден пятнами шафраново-желтого лишайника, а внизу полощется сизое холодное море.

– Это кайра. Морская птица. Ее дом на Севере. Там холод. Вечный холод.

Кайра резко выдернула руку. Слова уттрама ей совсем не понравились.

– Я хочу есть. А ты уничтожил запасы цибуса и пищевой мини-синтезатор. Вместе с флаером, – выдвинула Кайра обвинение.

На лице Рея отразилась растерянность. Он в приглашающем жесте указал рукой куда-то на землю и изумленно проворкотал:

– Ешь...

На коряге, вытянув рожки, сидела улитка. Ее студнеобразное тельце жирно блестело на солнце.

– Улитка? Что ты хочешь сказать? Ты предлагаешь мне съесть улитку? Ты ненормальный?

Уттрам прикоснулся к моллюску – и от улитки ничего не осталось. Продемонстрировав пустой панцирь, Рей изучающе поинтересовался:

– Так не ешь?

Дождавшись неопределенного, но скорее отрицательного мычания, Рей усадил девушку на ствол поваленного дерева, устроил неподалеку небольшое кострище, высек камнем искру, подул на пучок соломы – вскоре по веткам весело побежали огненные змейки. Указав на хворост, мужчина коротко велел:

– Костер.

– Ты хочешь, чтобы я поддерживала пламя костра? – Кайра озадаченно переводила взгляд с костра на хворост и обратно. – А как это?

Но последний вопрос упал в пустоту, потому что уттрам скрылся за высокими деревьями.

Через некоторое время он явился вновь. В его руках была общипанная и выпотрошенная куропатка. Нарвав пучок

каких-то душистых трав, уттрам сноровисто натер добычу, насадил тушку на палку и устроил над костром. Удовлетворенно кивнул сам себе. Затем сорвал большой лист какого-то травянистого растения. Кажется, лопуха? Подержал его в ладонях – и передал Кайре гибкий, но прочный сосуд. Жестом указал на заросли малины. Но в ответ получил лишь хлопанье ресниц и недоуменное пожатие плечами. Рей улыбнулся, взял Кайру за руку и повел к кустам. Выбрав самую спелую и душистую, он поднес ягодку к лицу девушки. Слегка сдавил плод между пальцами и провел им по ее нижней губе. Тонкий аромат защекотал ноздри, а капелька сладкого сока скользнула в приоткрытый рот. Следом туда же упала и ягодка. Вкусовые рецепторы Кайры не знали ничего подобного. Сладко-кислая мякоть понравилась девушке, и она потребовала:

– Еще!

Рей довольно хмыкнул, одним жестом смахнул все ягоды с куста и, наполнив лопушиную чашу малиной, передал лакомство Кайре. Перевернул тушку птицы над костром – и снова исчез. Вернулся опять не с пустыми руками: на этот раз Рей принес березовый туесок, полный ключевой воды.

Вскоре над поляной поплыл чудесный аромат запеченной дичи. Животы обоих громко заурчали в унисон. Рей звонко засмеялся. Его светлая мальчишеская улыбка так шла молодому уттраму, была так открыта и естественна, что Кайра, невольно застыла. Она смотрела и смотрела на смеющееся

лицо, не в силах пошевелиться. А Рей, глядя на нее, смеялся еще больше. Видимо, его очень забавляло ее изумление. Стряхнув оцепенение, Кайра легонько потрясла головой и, глядя под ноги, вернулась на свое бревно. Села, гордо выпрямила спину и, устремив взгляд вперед, сложила руки на коленях. Рей поперхнулся смехом и занялся ужином, старательно пряча улыбку.

На полянке, перед Кайрой, возник гриб-переросток, расправил шляпку и уплотнился. «Вполне приличный стол», – оценила она усилия уттрама. Однако, что делать с куском дичи на зеленой тарелке, девушка не знала. Посмотрела на спутника: тот, взяв в руки запеченную ножку, откусывал и весело жевал. Рей отломил кусочек и положил девушке в рот. Кайра медленно начала жевать. Это был первый кусок мяса в ее жизни.

Они шли по буковому лесу. Деревья серебристыми колоннами подпирали небо. Пронзительно-зеленое облако листвы покоилось на их верхушках, тут и там широкими языками сползая до самой земли. Солнечные лучи прорывались сквозь густую завесу и подсвечивали толстые стволы. Постепенно радостные краски дня стали покидать бучину. На землю легли длинные тени. Серые стволы потемнели, между ними зазолотился соломенно-желтый шарик в оранжевой кожуре: солнце клонилось к закату.

Рей остановился у раскидистого бука, кряжистый ствол которого нельзя было обхватить руками. Казалось, что это группа молодых деревьев водила хоровод и, увлекшись, тесно сплелась в каком-то безумном танце. Мощные отростки ствола бука расползлись в сторону и, как гигантские когти, вцепились в землю, чтобы удержать такую громаду.

Уттрам легко, как по ступенькам, поднялся по прикорневым отросткам к массивной, горизонтально нависшей над землей ветви. Приложил к ней ладони. Толстая ветвь стала расширяться и уплощаться, образуя вполне приличное ложе. Из листьев Рей сотворил легкое покрывало и приглашающе протянул руку к безмолвно наблюдающей за чудом Кайре. Он помог ей подняться на дерево и устроиться на ночлег, улегся рядом и быстро уснул. Вскоре, повозившись, засопела и она: день был утомительным.

Кайра проснулась на плече в объятиях уттрама. Желтые глаза внимательно рассматривали ее лицо. Рей протянул руку и ласково коснулся щеки девушки. Мягкие подушечки пальцев невесомо скользнули вниз, очертили овал лица, по прямому, чуть вздернутому носику скатились ниже и нежно погладили линию рта. Подушечка большого пальца оттянула нижнюю губу и, чуть усилив нажим, прошла по ней. Тонкие пальцы расползлись веером по лицу, а потом от линии волос, по лбу горячими ручейками скользнули за ушком и тягуче спустились к шее. Рей запустил всю пятерню в густую светлую гриву и медленно, с оттяжкой помассировал заты-

лок.

Кайра тихонько лежала и прислушивалась к незнакомым ощущениям. Никто и никогда не трогал ее, тем более так. Незатейливые ласки мужчины пробуждали чувственность. Стало казаться, что тело вибрирует, как тонкая тетива.

Рей склонился и пристально посмотрел в глаза Кайры. Желтый и голубой взгляды схлестнулись и смешались в зеленом пламени. Губы мужчины накрыли губы женщины и начали свой извечный танец. Кайра очнулась, когда пальцы Рея стали оттягивать ворот ее комбинезона в поисках застёжки.

– Что ты делаешь? Зачем ты пытаешься порвать термокомбинезон?

Желтые глаза немного прояснились:

– Пара... влечение... трудно противостоять... – как будто извиняясь, пробормотал Рей что-то непонятное.

Затем мужчина легко спрыгнул с их ночного ложа на землю, протянул руки Кайре, приглашая спуститься за ним. Нежное тело, затянутое в тонкую черную ткань, скользнуло по твердой груди. Рей на мгновение сжал девушку в объятиях, тесно прижимая к себе, но быстро отпустил. Перед уходом прижался ладонями к приютившему их дереву и вернул ветвям изначальную форму.

Они спустились к лесному ручью. Пока Кайра умывалась, Рей соорудил завтрак из найденных где-то злаков, лесных ягод и дикого меда.

– Каша, ешь, – мужчина с улыбкой протянул Кайре зеле-

ную плоску.

– По виду твоя «каша» похожа на мой цибус, – с легкой улыбкой принимала угощение Кайра. – А как есть? Руками? Нужна ложка.

Жестами Кайра изобразила, будто зачерпывает кашу и подносит ко рту. Рей поднял с земли какой-то сучок, подержал в руках и протянул узкую плоскую лопатку.

– Пойдет, – вздохнула Кайра и принялась за еду.

Каша оказалась удивительно приятной на вкус. Кайра перекатывала порцию каши во рту, и ей казалось, что кисловатые и сладкие нотки вкуса разноцветными шариками взрываются на языке и щекочут небо. Ощущения так захватили девушку, что она не заметила, как справилась со своей порцией. «Вкусная еда – самая простая радость в жизни. Почему вирболы себя ее лишили?» И сама себе с легкой горечью ответила: «Мы насыщаем желудки пресным синтезированным цибусом, чтобы не чувствовать. Ничего не чувствовать».

Кайра слушала журчание скрытого в густой зелени ручейка, щурилась от теплых лучей солнца и внезапно поняла, что ей хорошо. Предплечья коснулись знакомые горячие пальцы. Сознание Кайры подхватила волна чужих эмоций. В ней обрывками мелькали картинки. Вот она, застыв мраморной статуей, погружена в голубую жижу лечебного геля, а ее светлые волосы ореолом вьются вокруг лица. Вот она, настороженная и прямая, как стрела, упирается в дверь флаера и ищет путь к спасению. Грудь ее нервно вздымается, натяги-

вая ткань, и соски напряженными вершинками грозятся ее разорвать. Вот она подергивается от затихающих рыданий, а рука уттрама нежно гладит узкую спину и ласкает кончики шелковистых волос. Вот она лежит на моховой кочке, глаза ее прикрыты, а по лицу блуждает умиротворенная улыбка. Вот она спит в теплых объятиях под сенью векового бука. Над верхней губой искрится маленькая капелька, и так нестерпимо хочется ее слизнуть, а потом захватить эти сладкие губы в плен и не отпускать уже никогда.

Рей сам прервал контакт. Кайра сначала потрясенно молчала, а потом, стремясь снять возникшее напряжение, весело спросила:

– Это ты так пытался сказать, что я тебе кажусь красивой?

– Очень красивая, – подтвердил Рей, не сводя с девушки своих невероятных желтых глаз.

Кайра залилась легким румянцем. Потом поднялась, пряча польщенную улыбку, – все-таки приятно чувствовать себя красивой и физически притягательной – и позвала:

– Ну, пошли?

– Куда? – недоумение, сквозившее в голосе, было как будто искренним. Кайра взгляделась в лицо попутчика: не разыгрывает ли он ее? Но Рей выглядел так, как будто он уже пришел, как будто у него уже есть все, что ему требуется, и ему не нужно никуда идти.

– Ты обещал отвести меня домой, в Московскую агломерацию. Говорил о каком-то месте силы. Вчера. Когда лишил

меня единственного средства передвижения. Моего флаера.

Кайра роняла фразу за фразой, надеясь найти хоть какой отклик. Достучаться до этого чурбана! Что она будет делать, если он не выведет ее отсюда?!

– Место силы. Да. Ты хочешь уйти... идем.

По горному склону шагать было легко. Рей на ходу поднял какую-то палку и таинственно повертел ее в руках: палка стала полой, появились отверстия. На самой бровке склона уттрам предложил присесть. Они плюхнулись прямо на траву. Дышалось легко и свободно.

Рей поднес свою флейту ко рту. Одна протяжная нота. Затем другая. И в синее небо устремилась мелодия: «Ту-ту-ту-ту-ту-тутуру-тутуру-туту...»

Слева и справа возвышались горы. Зубчатые края их остроконечных вершин изгибали линию горизонта. Ближе к подножью склоны гор кутались в зеленые пушистые пледы. Пурпурно-лиловые и желтые цветы пестрели под ногами, бестолковой толпой сбегая в долину. Высокий и нежный голос флейты летел над этой красотой: кружился под облаками, отражался от каменных отвесов и возвращался назад. В уголках глаз Кайры заблестели слезинки.

Дальнейший путь вел в долину. Когда между раздвинувшимися скалами показалось сапфировое око горного озера, Кайра громко завизжала:

– Прелесть-то какая! – и, раскинув руки в стороны, побежала вниз. Будто полетела. Остановилась на каменистом обрыве. Обернулась к догоняющему Рею. Облила его сияющим взглядом. Оступилась – и кубарем покатилась вниз. Рей в несколько прыжков примчался к пострадавшей от падения девушке. В ее глазах плескалась боль. Сквозь сжатые губы сочился стон. Поврежденная нога покраснела и опухла.

– Тш-тш, маленькая, сейчас пройдет, – Рей успокаивающе урчал, а его искусные руки тем временем принялись за дело. Он осторожно дотронулся до поврежденной лодыжки и прижал ладонь. Боль стихла.

– Пока нельзя идти – дать покой, – сказал Рей и подхватил девушку на руки.

Он удобно устроил ее на каменистой площадке. Потом снова исчез и вернулся с разноцветными минералами. Истер их в порошок, разбавил водой – и стал рисовать. На отвесе скалы появились горные хребты, луговые травы с веселыми пятнами цветов и лицо прекрасной девушки со струящимися на ветру светлыми волосами.

Рей пододвинул краске к Кайре:

– Попробуй.

И Кайра включилась в цветную игру. Сначала ничего не выходило, но с помощью Рея девушке удалось изобразить кайру – черно-белую птицу с изящно посаженной головой. И глаза Кайры снова радостно заблестели:

– Спасибо, Рей, – прошептала она.

После обеда, состоявшего из запеченной дичи и молочных орехов, Рей позвал Кайру в путь. Нога уже почти не беспокоила. Но шли совсем недолго. Обогнув приютившую их скалу, путники очутились перед маленьким озерцом. Над ним поднимался пар.

– Это что? Термальный источник?

– Теплая вода, купаться, – задорно улыбнулся Рей и, скинув свой зеленый хитон, плюхнулся в каменную ванну.

Загорелые плечи порозовели и заблестели от влажности. Кайра давно не мылась в теплой воде, термокомбинезон порван и весь в пыли, теплая вода и довольная улыбка мужчину манят – и она решилась.

– Отвернись! – скомандовала строго и разделась. Погрузившись по шею в воду, Кайра блаженно замурлыкала и расслабилась.

Из истомы ее вырвал легкий тычок в макушку. Рей сидел в воде поодаль и невозмутимо любовался горами. Кайра поправила волосы на макушке и с удивлением обнаружила в волосах комочек грязи. Подозрительно глянула на уттрама, смыла грязь с волос и снова расслабилась. Опять тычок. Но Кайра уже была начеку и сквозь полуопущенные ресницы успела проследить: это Рей кидается!

– Ах так! Это война! – и тоже зачерпнула пригоршню грязи со дна озерца, прицелилась и отправила в полет.

Обляпанные с ног до головы в грязи, хохочущие, запыхавшиеся, мужчина и женщина вдруг обнаружили себя в

объятиях друг друга. Размазывая серую жижу по лицу, плечам, груди, они целовались, как сумасшедшие, как жаждущие приникают к источнику. Два тела сплелись в одно, и ничто не могло бы разорвать нашедшие друг друга половинки.

Рей и Кайра выбирались из источника, обсыхали на солнце, возились в траве двухголовой многоножкой и снова погружались в воду, омывая друг друга.

Как-то Рей принес охапку травы и луговых цветов, сплел из них наряд взамен испорченного черного комбинезона, велел надеть. Шелковистое одеяние оказалось платьем: длинная струящаяся юбка плавно очерчивала линию бедер, мягкая драпировка на лифе подчеркивала высокую грудь, тонкий поясok на талии завершал образ. Девушка радостно закружилась. И в этом вальсе было столько естественной и невольной грации, что Рей залюбовался своей лесной нимфой. Он творил для нее новые наряды, а она дефилировала, наслаждаясь своей красотой.

Однажды Кайра спросила:

– Когда мы придем, Рей?

Он в ответ взял ее ладошки в свои руки и показал ответ.

«На зеленой поляне разросся розовый куст. Широко и свободно раскинул он свои побеги, и на зеленых стеблях распустились прекрасные цветы. Утренняя прохлада хрустальными росинками украшала нежные лепестки, и солнечные лучи, преломляясь в этих прозрачных каплях, разноцветными язычками ласкали розу. Сладкий густой аромат привлек

порхающих бабочек, и они весело кружились в этом благоухании. Фонарный столб, установленный неподалеку, не замечал ничего: лишь включался и выключался по велению датчика темноты.

Но вот на поляне появилась корова. Не прекращая своего извечного жевания, прошла она мимо розы, громко замычала, подняла хвост и нагадила под куст. Бабочки возмущенно затрепыхались:

– Какая низость! Подлость! Равнодушная мерзавка испортила такую красоту!

Налетели навозные жуки и завозились в нечистотах.

– Какие грязные насекомые! Во всем замечают только плохое, не замечая прекрасного!

Прилетела пчелка и стала собирать нектар с розовых цветков.

– Какие глупые насекомые! Летают в розовых очках и не видят дальше своего носа! Наивно думают, что все прекрасно в этом лучшем из миров!

Зазвенели хрустальные росинки, затрепетали нежные лепестки и сказала роза:

– Утешатся те, кто умеет видеть хорошее, не замечая дурного. А вы, бабочки, дурное не только видите, но и делаете. Смотрите, крылышки ваши почернели от гнева и высокомерия. Знайте же, что мои цветы скоро завянут, а навозная куча даст пищу моим корням, и я стану крепче и краше.»

– Кто ты, Кайра? Мы придем, когда ты поймешь.

И они шли дальше.

Тучи налетели внезапно и затянули небо серой пеленой. В воздухе ощутимо запахло озоном. Разразился ливень. Они укрылись от дождя в небольшой пещере. Тесно прижавшись, согревая друг друга, они слушали громовые раскаты и ловили отсветы сверкающих молний. Разбушевавшаяся стихия не пугала, а покоряла величием, ибо несла обновление и очищение.

На следующий день Рей и Кайра остановились на горизонтальной террасе горного уступа. Впереди высились серые громады гор с острыми пиками. Их впадины были заполнены лоскутами снега. Тут и там высились колючие темно-зеленые ели. На небольшой площадке, засыпанной смесью серого камня и песка, громоздился большой валун. Травка едва волновалась под дуновением ветерка.

– Рей? Это ведь та самая поляна, где мы встретились? Та, где приземлился мой флаер? Что ты молчишь? Рей, ответь!

Желтые глаза мужчины глядели пристально и печально. Тоска и призрачная тень надежды сковали черты его лица.

– Что происходит, Рей?

Из-за деревьев, кустов, скал на каменную террасу стали выступать существа. Все они, как и Рей, как и Кайра теперь, были одеты в одежды из растительных шелковистых тканей. Как и у Рея, как и у Кайры теперь, у них были распущенные

волосы. Только у всех глаза были желтые, как закатное солнце. Скоро все свободное пространство было заполнено уттрамами. Рей отступил вглубь, к своим сородичам.

– Не бойся! Не причинить вред, – из толпы, опираясь на тяжелый посох, выступил седовласый старец. Он приглашающим жестом предложил Кайре присесть рядом.

– Трудно говорить рот. Позволь иначе, – и морщинистым пальцем старец коснулся своего виска. От уголков поблекших глаз к вискам разбежались добрые морщинки, взгляд был теплым, и Кайра утвердительно кивнула.

В ее голове зазвучал тот же зычный голос:

– Здравствуй, дитя разума! Ты чужая на нашей земле, но твой свет позвал Карела Тейбаха, и он пошел за тобой. Для него это трудный путь, потому что ты – вирбол. Вирболы не слышат и не видят. Они существуют в рутине повседневности, подобно своим механизмам. Тоска и уныние разрушают их, и в серой хмари их будней нет места солнцу. Но Рей научил тебя смеяться. Выстроил мостик над пропастью, разделившей людей на уттрамов и вирболов.

– Но как Вы выжили? Нам известно только то, что вы обезумели, причинили людям массу страданий, а потом исчезли бесследно.

– Да, дитя. Тяжелые были времена. Вторжение вируса стало испытанием для нас. Представь, что ты всю жизнь провел в темной пещере, глубоко под землей, но вот выходишь на поверхность, и на тебя обрушивается целый мир запахов,

красок, звуков, эмоций, чувств. Люди использовали рецепторы восприятия. Вирус же увеличил чувствительность сенсорной системы в десятки раз. Эмоциональная перегрузка и вылилась в тот кошмар, который запомнился вирболам.

Адаптационная перестройка организмов уттрамов затянулась на долгое время. Но нам открылось сознание любого живого существа. Телепатия, телекинез, поглощение органики через прикосновение, целительство, управление живой материей, бионавигация – вот далеко не полный перечень приобретённых способностей.

– Так Рей не единственный волшебник среди вас? – весело ухмыльнулась Кайра.

Старец покивал и продолжил:

– Среди нас выжили только те, у кого чисты были помыслы, для кого дарить и принимать любовь так же естественно, как дышать.

– Поймите! – прервала Кайра. – Да, трагедия разделила человечество: вы здесь, среди дикой природы, развили суперспособности. Но ведь мы, вирболы, тоже кое-чего достигли. Мысль человека никогда не была так сильна и смела, как у нас. Ведь, если мы объединимся, то разделенные на века разум и чувства снова сольются в человеческой особи. Это будет Homo Perfecta, человек совершенный.

Старец невесело рассмеялся:

– Мечтательница! Ты должна понять: это невозможно. Вирболов не спасти – это биороботы, враги природы. Они

сами отринули свою Мать, пожелав возвыситься над нею.

– Так вот почему нас закрывают неприступные барьеры!

– Нет, барьеры воздвигли вы сами. Это вы пожелали отгородиться от всего, что дышит, растет, меняется. Вам нужны осуществившиеся прогнозы, вам нужен тотальный контроль, вам нужна власть.

– Но мы же боимся выйти за Барьер... Приступы паники за границей агломераций – всего лишь выдумка? Мы можем свободно выходить?

В глазах собеседника мелькнула хитрая усмешка:

– Ну мы помогаем немножко, чтобы у вас не возникало таких желаний, – похихикав, старец вновь стал серьезным. – Только страх удерживает вирболов от дальнейших разрушений всего живого. Утррамы стали теми, кого любит земля, ибо научились слышать ее Песнь – вибрацию живой материи, научились вплетать в эту мелодию и свои голоса.

– Что это за Песнь? Я смогу ее услышать?

– Для того ты и здесь, дитя! – и старец встал и стукнул своим посохом о землю. Молодые побеги, как уже бывало на этой поляне, оплели руки и ноги Кайры, прочно привязав девушку к камню.

Вокруг плотным кольцом встали утррамы. Их желтые глаза полыхнули яркими стрелами, которые скрестились на теле девушке, как лучи софитов. Утррамы затянули гулкую вибрирующую мелодию. Казалось, что это поет ветер или щебечут птицы, что стучит дождь за окном или гудит готовящийся-

ся взорваться вулкан. От голосовых модуляций тихонько завибрировала земля, камень под телом Кайры завертелся, и она провалилась в сон.

Девочка со светлыми косичками сидела в кресле, чинно сложив ручки на острых коленках. Молодая женщина с гладко зачесанным пучком холодно отчитывала ее:

– Кайра, ты не должна пачкать бумагу рисунками – какие-то зверушки, рожицы... Этому тебя учили? Ручка и бумага даны для того, чтобы ты училась читать и считать, а не заниматься этим бесплодным занятием. Зачем ты это делаешь?

– Меня это радует, мама, – робко ответила девочка.

Женщина вздохнула:

– Кайра, милая, пойми: где радость, там и грусть. За восторгом следует отчаяние. Надежда всегда сменяется разочарованием, а близость – отчуждением. У медали не бывает одной стороны. Чувства, как столбик в термометре, скачут от плюса к минусу и обратно. Они мешают.

Вот смотри. Это микроскоп. Видишь? Если посмотреть в окуляр, то четко и ясно рассмотришь то, что лежит на предметном столике. Но представь, что мы станем укладывать на линзу цветные рельефные стекла – красные, синие, черные, розовые. Чувства и эмоции как эти стекла: они искажают картину мира. Мы, слава богу, не так зависим от них, как наши предки. Но все же. Кайра, их нужно подавлять. Необходимо подчинить чувства разуму. Ты еще маленькая,

дочка, и не знаешь о чудовищной катастрофе, которая произошла много лет назад. Тогда люди заболели. Их эмоции и инстинкты вырвались из-под контроля. Реки крови лились по земле Эту страшную ошибку нельзя повторить! Вирболы всегда сдержаны и невозмутимы. Поняла?

– Да, мама. Я буду стараться.

– Нужно отвести тебя к врачу.

Кайра распахнула глаза. Она увидела, что лежит на каменном подиуме, а вокруг нее – существа в зеленых рясах со светящимися желтыми глазами. Девушка забилась в растительных путях и попыталась вырваться. Но гул голосов все нарастал, камень снова закружился под ней.

На этот раз Кайра увидела дом. Прекрасный деревянный дом, выстроенный Реем для них двоих. Семейное гнездышко. В этот раз они стояли на балконе, увитом клематисами, и смотрели на дивную панораму окрестных скал и долину реки. Рей, обняв Кайру за спину и положив голову на плечо, тихонько шептал что-то утешительное на ушко. По щекам Кайры текли слезы. В руках она сжимала тест на беременность – опять отрицательный. Бессмысленные попытки. Им никак не удавалось смириться с тем, что вирболы и уттрамы не способны скрещиваться: нестыковка генетических программ. Набор генов матери с заложенными в них программами индивидуального развития неизменно конфликтовал с генным набором отца. Оплодотворенная яйцеклетка умирала, всегда умирала.

Кайра очнулась на своем каменном ложе и задержалась в своей ловушке вновь: «За что вы мучаете меня?». Но не было спасения от желто-гулкого марева. Она опять погрузилась в фантазмагорический сон.

Кайра увидела себя, сидящей на поросшем травой берегу. На опаловом небе, будто забывшись, умиротворенно застыли ванильные облака. Старая ива склонила свои тяжелые ветви над безмятежной гладью реки. Сегодня река ленива и довольна. Еще вчера бушевала гроза, ливень толстыми струями хлыстал по водяной глади. Река, жадно чавкая, лопаюсь от аппетита большими пузырями, впитывала в себя угощение. Кайра тихонько рассмеялась:

– Ах, ты, обжора!

С пригорка позвали. Сородичи затеяли новую игру: разыгрывают свадьбу Луны и Солнца. Ей придется исполнять роль Венеры, а Рей, конечно, будет изображать Марса. Да и другие звезды будут приглашены на свадебный пир. А потом у небесной пары родится малыш, которого назовут Земля. Хорошая вырастет женщина, добрая. А потом уже появимся мы – ее любимые желтоглазые дети.

Кайра очнулась в густой траве под ветвями могучей ели. В плечо упирался острый камень. Тело было привычно затянато в черный термокомбинезон. Кайра приподнялась на локте и увидела мигающий лампочками рабочий флаер, готовый к полету. В густой листве полыхнули янтарем желтые глаза.